

Битва за \$170 миллиардов

В тарифной войне Дональд Трамп открыл второй фронт против Верховного суда США

Дональд Трамп. Фото: Lenin Nolly / Sipa USA / TACC

12:06, 25 февраля 2026,

Дмитрий Прокофьев

редактор отдела экономики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

20 февраля 2026 года стало датой, которую будут изучать в учебниках по конституционному праву и экономической истории — вместе с 1930 годом и Законом Смута — Хоули, вместе с 1971 годом и крушением Бреттон-Вудской системы.

Верховный суд США шестью голосами против трех постановил: президент Дональд Трамп превысил свои полномочия, когда использовал Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях 1977 года (IEEPA, International Emergency Economic Powers Act) для введения так называемых взаимных тарифов против почти всех торговых партнеров Америки. Речь идет о деле *Learning Resources, Inc. v. Trump*, и решение было жестким, не оставляющим пространства для маневра.

Председатель суда Джон Робертс, написавший мнение большинства, выразился предельно ясно: президент должен указать на четкие полномочия Конгресса, чтобы оправдать столь экстраординарное присвоение права вводить налоги на импорт. Суд применил доктрину важных вопросов — правовую концепцию, согласно которой действия исполнительной власти, имеющие огромное экономическое и политическое значение, должны быть прямо санкционированы властью законодательной. Тарифы, затронувшие бизнес на триллионы долларов и благосостояние миллиардов людей не только в США, но и за их пределами, под это определение подпадают безусловно.

Это не было «решением первой инстанции», которое можно оспорить или проигнорировать. Это был конституционный акт, возвращающий «тарифную власть» туда, где ей и место по Основному закону США, — в Конгресс. Конструкция торговой войны, которую Трамп выстраивал с апреля 2025 года, если и не рухнула в одночасье, то, во всяком случае, начала разрушаться.

Судья Бретт Кавано. Фото: AP / TASS

Судья Бретт Кавано в своем особом мнении обозначил и проблему, которая станет центральной в ближайшие месяцы: «часть издержек импортеров, возможно, уже была переложена на потребителей». Это наблюдение — не юридическая тонкость, а экономическая суть. Если пошлины, взысканные с нарушением законов, уже оплачены американскими покупателями через более высокие цены, то кому возвращать деньги — импортерам, которые их формально перечислили в бюджет, или потребителям (они же — избиратели), которые реально их заплатили? Суд обошел этот вопрос, оставив его на усмотрение нижестоящих инстанций и таможенной службы. А это значит, что битва за \$170 миллиардов только начинается.

И в этой битве Трамп уже нанес ответный удар. 21 февраля президент объявил о введении новых тарифов — теперь уже на основании «раздела 122» Закона о торговле 1974 года. А 22

февраля поднял ставку до максимально разрешенных 15%. Юридическая конструкция сменилась, но политическая воля осталась прежней.

Чтобы понять, что происходит и что будет дальше, нам придется разобраться в четырех вещах: что говорит президент США и почему это не соответствует фактам, что экономическая наука знает о тарифах, чему учит история и какие сценарии открываются перед американской и мировой экономикой в ближайшие месяцы и годы.

Колумнист Трамп и его представления об экономике

За три недели до решения суда, 30 января 2026 года, Дональд Трамп опубликовал в *The Wall Street Journal* авторскую [колонку](#) под заголовком «Мои тарифы вернули Америку». Это редкий случай прямой артикуляции экономической философии американского президента, и текст заслуживает подробного разбора — не для политической полемики, а для понимания того, как устроено экономическое мышление человека, определяющего торговую политику крупнейшей экономики мира.

Свой манифест Трамп начинает с козырных тузов: когда в апреле прошлого года президент США ввел исторические тарифы против почти всех иностранных государств, критики говорили, что его политика вызовет глобальный экономический коллапс. Вместо этого, по словам президента, он создал американское экономическое чудо, и Америка быстро строит величайшую экономику в истории мира, а другие страны чувствуют себя просто прекрасно.

Затем следует перечисление достижений. *«Бесчисленные так называемые эксперты уверенно предсказывали, что тарифы обрушат фондовые рынки, уничтожат экономический рост,*

вызовут массовую инфляцию, разрушат американский экспорт и спровоцируют всемирную рецессию». Девять месяцев спустя, утверждает Трамп, результаты налицо, и каждое из этих предсказаний оказалось полностью ошибочным.

Трамп пишет о рекордных максимумах фондового рынка при практически нулевой инфляции. Рост ВВП в третьем квартале 2025 года, по его словам, составлял 4,4%, а в четвертом квартале, по прогнозам ФРС Атланты, рост будет значительно выше 5%. С помощью тарифов, утверждает президент, удалось сократить дефицит федерального бюджета на 27% за один год, а ежемесячный торговый дефицит — на 77%.

Особое место в колонке занимает утверждение о том, кто платит тарифы. Трамп ссылается на исследование Гарвардской школы бизнеса, согласно которому иностранные производители и посредники оплачивают как минимум 80% тарифных издержек. *«Так что, — заключает он, — пока средняя ставка американских тарифов на иностранные товары увеличилась более чем в пять раз, инфляция резко упала».*

И наконец, центральный тезис колонки: *«Без сомнения, признание за этот экономический успех должно достаться тому, что сам The Wall Street Journal назвал крупнейшим шоком экономической политики за 50 лет, — моим тарифам! Мы убедительно доказали, что, применяемые правильно, тарифы не вредят росту — они способствуют росту и величю».*

Это сильное заявление. Но есть одна проблема: оно почти полностью противоречит тому, что мы знаем об экономике тарифов из академических исследований, исторического опыта и даже из текущих макроэкономических

данных.

Прежде чем перейти к разбору этих противоречий, зададимся вопросом: откуда берутся цифры, на которые опирается президент, и почему они расходятся с реальностью?

Ответ на этот вопрос потребует от нас погружения в три области: современную эконометрику, экономическую историю и анализ текущей статистики. Начнем с первого.

Что наука знает о тарифах: 180 лет доказательств

В феврале 2026 года, буквально за несколько дней до решения Верховного суда, Национальное бюро экономических исследований опубликовало рабочую статью, которая может считаться самым полным эмпирическим исследованием макроэкономических эффектов тарифов на сегодняшний день. Речь идет о работе Тамар ден Бестен и Диего Канцига *The Macroeconomic Effects of Tariffs: Evidence From U.S. Historical Data*.

Авторы проделали титаническую работу: они проанализировали 180 лет американской истории — с 1840 по 2024 год — и с помощью нарративного метода выделили 35 крупных тарифных изменений. Из них 21 было экзогенным, то есть принятым по идеологическим, а не по экономическим причинам. Это позволило решить проблему, которая мучит стандартные эконометрические модели — проблему эндогенности, когда трудно понять, тарифы вызвали спад или спад вызвал тарифы.

Выводы исследования разрушают нарратив Трампа.

- **Первое: тарифы сокращают экономику.** Повышение средней ставки тарифа на один процентный пункт ведет к падению реального ВВП на 0,9% в пике, причем эффект длится годами.

Промышленное производство падает еще сильнее — на 1,5%. Это прямой удар по мифу о том, что пошлины защищают промышленность: они защищают отдельные сектора, но в целом экономика сжимается.

- **Второе: экспорт страдает не меньше импорта.** Импорт падает быстро — примерно на 4%, но экспорт, хоть и с задержкой, тоже снижается примерно на 2%. Механизм здесь простой и хорошо изученный: тарифы снижают спрос на иностранную валюту, доллар укрепляется, американские товары становятся дороже для остального мира. Ты хочешь защитить свой рынок, а в итоге теряешь чужие.
- **Третье: реакция цен зависит от валютного режима.** На всем массиве данных цены реагируют слабо, потому что сталкиваются два эффекта: удорожание импорта, толкающее цены вверх, и падение спроса, тянущее их вниз. Но если разделить выборку на эпохи, картина меняется кардинально. При золотом стандарте, до 1945 года, цены росли, потому что доллар не мог укрепиться. При плавающих курсах, после 1945 года, цены падают, потому что доллар укрепляется мгновенно, удешевляя импорт и убивая экспорт. В современном мире тарифы работают преимущественно через сжатие спроса, а не через шок предложения.
- **Четвертое: учет эндогенности критичен.** Если не очищать тарифные шоки от кризисных — тех, что вводились в ответ на рецессию, — картина искажается до неузнаваемости. Только чистые, идеологические тарифы позволяют увидеть истинный эффект.

Исследование ден Бестен и Канцига дает нам надежную аналитическую рамку: тарифы в современном мире — это прежде всего удар по спросу, ведущий к спаду и дефляции, а не к росту и инфляции.

Судьи Верховного суда США. Фото: AP / TASS

Эти выводы подтверждаются и другими исследованиями. Федеральный резервный банк Сан-Франциско в ноябре 2025 года опубликовал две важные работы. Первая, *The Economic Effects of Tariffs*, анализирует данные 16 развитых стран за последние 40 лет и приходит к выводу, что в краткосрочном периоде доминирует канал спроса — после повышения тарифов безработица растет, а инфляция падает. Вторая, *What Is a Tariff Shock? Insights from 150 years of Tariff Policy*, охватывает 150 лет исторических данных по США, Франции и Великобритании и подтверждает тот же вывод.

Организация экономического сотрудничества и развития в своем обновленном прогнозе от 16 февраля 2026 года предупредила, что тарифы Трампа будут тормозить рост в США, Канаде и Мексике, одновременно подстегивая инфляцию. ОЭСР оценивает, что американские домохозяйства заплатят высокую прямую цену, а экономическое замедление обойдется США дороже, чем дополнительные доходы от тарифов.

Так почему же Трамп говорит обратное? Чтобы ответить на этот

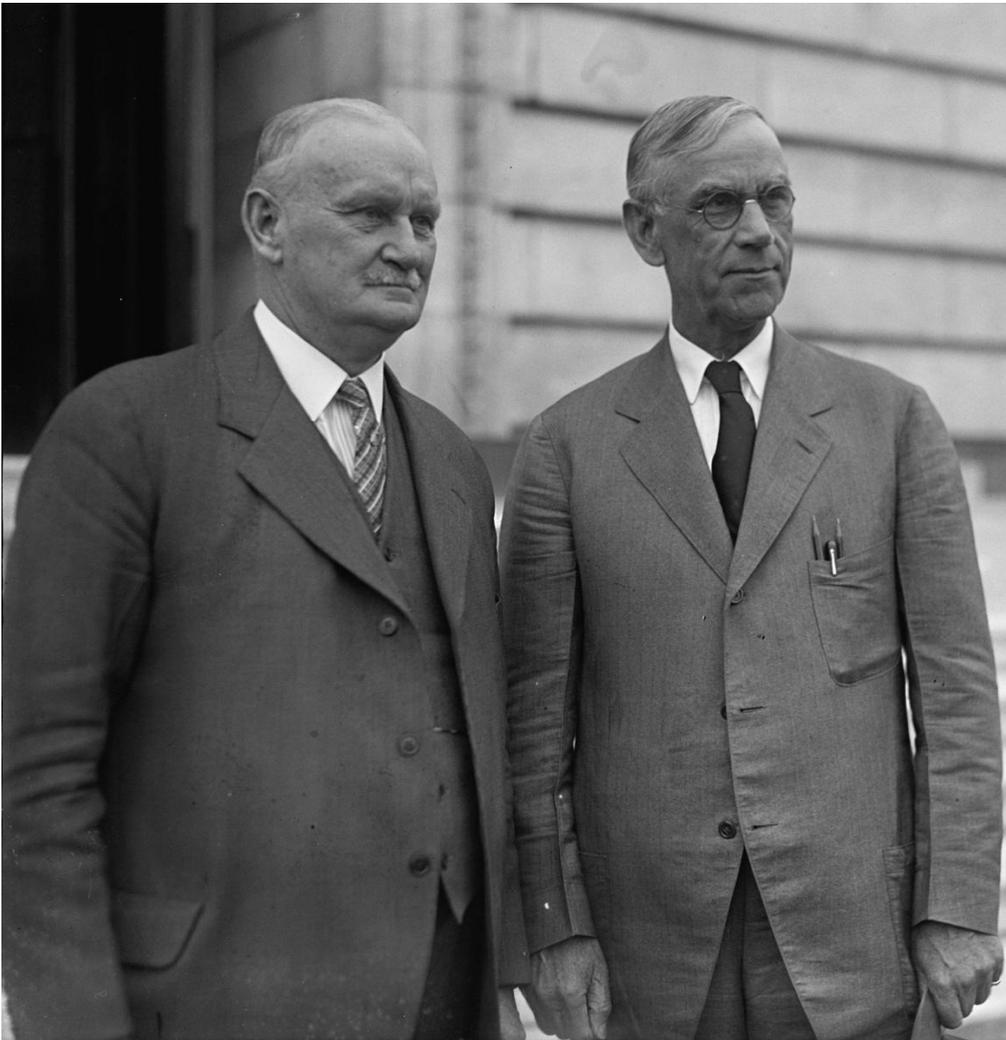
вопрос, нам придется обратиться к истории и посмотреть, что на самом деле происходило в те эпохи, которые президент считает образцом для подражания.

Уроки истории: от Мак-Кинли до Смута — Хоули

Трамп часто называет президента Уильяма Мак-Кинли своим вдохновителем, и это неслучайно. Мак-Кинли, возглавлявший комитет по финансовым средствам Палаты представителей, провел в 1890 году закон, поднявший средние тарифные ставки до 50%. Особенно сильно выросли пошлины на жести — с 30 до 70% — и на шерстяные изделия.

Что показал этот эксперимент? Жестяная промышленность США действительно совершила рывок, пройдя путь от младенческого состояния до полного доминирования на внутреннем рынке. Сталелитейный гигант Carnegie Steel, а затем US Steel стали первыми компаниями в истории с капитализацией более миллиарда долларов.

Но цена этого успеха оказалась высокой. Импортные товары подорожали, и это бремя легло на плечи простых потребителей. New York Times в октябре 1890 года писала, что закон облагает налогом предметы первой необходимости, причем налог ложится в основном на бедных. Производители одежды открыто говорили о неизбежном повышении цен на 10% сразу после вступления закона в силу.

Сенатор Рид Смут и член Палаты представителей Уиллис К. Хоули, 1929 год. Фото: архив

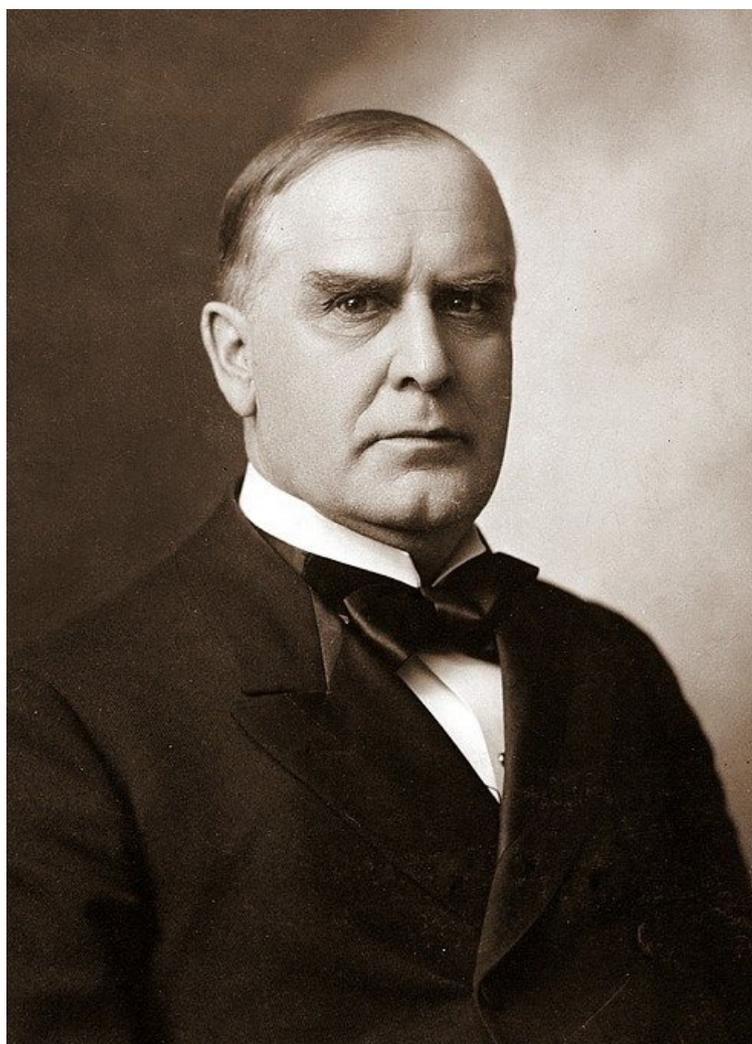
Фермерам пришлось еще хуже. Другие страны ввели ответные пошлины, и американский экспорт сельхозпродукции — особенно зерна и хлопка — рухнул. Фермеры были вынуждены сбрасывать излишки на внутренний рынок, что привело к падению цен и разорению многих хозяйств. При этом цены на сельскохозяйственный инвентарь, облагавшийся пошлинами, росли.

Политическая расплата оказалась мгновенной. На выборах в Конгресс 1890 года республиканцы потеряли более половины мест в Палате представителей — с 171 до 88. Два года спустя они проиграли и президентские выборы. Закон Мак-Кинли был отменен в 1894 году, уступив место более умеренному тарифному законодательству.

Через 40 лет после фиаско Мак-Кинли американские

законодатели снова наступили на тарифные грабли. Закон 1930 года, названный по именам сенатора Рида Смута и конгрессмена Уиллиса Хоули, должен был помочь фермерам, страдавшим от конкуренции с импортом в 1920-е годы. Но в процессе лоббистских торгов этот закон превратился в чудовище: итоговый документ повышал пошлины на более чем 20 тысяч наименований товаров, а средняя ставка тарифа подскочила до 59% — максимума в истории США.

Процесс принятия закона стал особой историей политического лоббизма. Как позднее писал политолог Элмер Шатшнайдер, тарифное законодательство имеет врожденный порок: оно распадается на тысячи мельчайших позиций, каждая из которых лоббируется своей отраслью. В этом случае Конгресс становится огромным апелляционным судом, где общие вопросы политики тонут в деталях классификации товаров.

Против Закона Смута — Хоули выступили 1028 ведущих экономистов страны, подписавших петицию к президенту с призывом наложить вето. Они предупреждали, что повышение пошлин ударит по потребителям, подорвет экспорт и заставит американцев субсидировать неэффективные производства. Банкир Томас Ламонт и промышленник Генри Форд лично уговаривали президента Гувера отказаться от подписи.

Гувер не послушал. Результат известен: импорт США с 1929 по 1933 год упал на 66%, экспорт — на 61%. Безработица, составлявшая 7,8% в 1930 году, подскочила до 25% в 1933-м.

Дуглас Ирвин, ведущий историк торговой политики, в книге *Peddling Protectionism* убедительно показывает:

Закон Смута — Хоули сам по себе не был главной причиной Великой депрессии, но он превратил циклический кризис в глобальную катастрофу, заблокировав каналы международной торговли.

Мировая торговля сократилась на 26% и не восстанавливалась до конца 1930-х годов.

Послевоенная система ГАТТ, а затем и ВТО строилась именно на осознании этих уроков. Принцип недискриминации и режим наибольшего благоприятствования стали реакцией на катастрофу 1930-х. И эта система работала — до апреля 2025 года.

Новая экономическая реальность

Решение Верховного суда отменило не все тарифы, а только те, что были введены под ИЕЕРА. Остались в силе тарифы, введенные по другим основаниям: 50% на сталь и алюминий по «разделу 232», 25% на автомобили и запчасти, отраслевые ограничения на медь, древесину, мебель. Сохранились и многие тарифы против Китая, хотя их структура изменилась.

Данные, собранные американскими экспертами по бюджетном анализу, показывают, что после отмены «тарифов в рамках ИЕЕРА» средняя эффективная ставка тарифа в США составляет 9,1% в расчете до замещения импорта и около 8% после того, как компании перестроят цепочки поставок. Это все еще самый высокий уровень с 1946 года, не считая пиковых значений 2025-го. Без решения Верховного суда ставка была бы 16,9%. Разница колоссальная.

Особенно заметно снижение для Китая: ставка падает почти втрое — с 24 до 8,3%. Это означает, что китайские товары возвращают себе ценовую конкурентоспособность на американском рынке.

Фото: AP / TASS

Краткосрочный эффект для роста ВВП в 2026 году, по оценкам специалистов, будет близок к нулю. Это не потому, что тарифы безвредны, а потому, что им противостоит мощный фискальный импульс: импортерам предположительно вернут от 85 до 170 миллиардов долларов, уплаченных в 2025 году по «неконституционным тарифам». Эти деньги, если они вернутся в экономику, поддержат спрос.

Долгосрочный эффект негативен: экономика США станет меньше примерно на 0,1%, что эквивалентно потере 30 миллиардов долларов ВВП ежегодно.

Но без решения суда потери были бы в три раза больше — 0,3%. Это хорошо согласуется с выводами ден Бестен и Канцига.

Уровень потребительских цен вырастет на 0,6% в краткосрочной перспективе из-за оставшихся тарифов. Для средней семьи это потеря около 780 долларов в год. Для беднейших слоев удар в абсолютных цифрах меньше — 430 долларов, но как доля дохода — больше: 1,1% против 0,4% у богатых. Тарифы остаются регрессивным налогом.

Безработица к концу 2026 года будет на 0,3 процентных пункта выше, чем могла бы быть без тарифов. Это около 550 тысяч потерянных рабочих мест.

Наибольший рост цен приходится на металлы и изделия из них — плюс 13–19%, на автомобили и запчасти — плюс 15%, на электронику и электрооборудование — плюс 9–13%. Если бы тарифы ИЕЕРА оставили, в список лидеров по росту цен также попали бы одежда, текстиль и продукты питания, то есть товары первой необходимости.

За этими цифрами стоят конкретные решения компаний, изменения в потребительском поведении, перестройка производственных цепочек. И главное — они создают фон, на котором предстоит действовать администрации Трампа в свете решений Верховного суда.

Пять дорог Трампа: юридические альтернативы

Решение Верховного суда от 20 февраля было предельно ясным в своей конституционной логике. Как подчеркнул председатель суда Джон Робертс, написавший мнение большинства, *«полномочия по налогообложению и введению тарифов четко закреплены за Конгрессом статьей I Конституции»*. Конгресс может делегировать президенту некоторые тарифные полномочия для конкретных целей и в определенных пределах, но ИЕЕРА, как установил суд, не является тарифным статутом. Применяя доктрину важных вопросов, Робертс указал, что *«когда речь идет о важном вопросе, необходимо дополнительно*

тщательно изучать намерения Конгресса». А намерения были совершенно ясны: законодатели не предполагали предоставлять президенту право вводить всеобъемлющие тарифы по своему усмотрению.

Суд специально подчеркнул, что его вердикт — не об оценке экономической политики, а исключительно о разделении властей. *«Это решение не о том, был ли выбор политики введения тарифов удачным, а лишь о том, что президент не обладает такими полномочиями в рамках данного статута».* Иными словами, даже если бы тарифы были экономически благотворны (а они, как мы видели, не были), юридическая конструкция все равно рухнула бы.

Фото: AP / TASS

Особого внимания заслуживает совпадающее мнение судьи Нила Горсача — консерватора, назначенного Трампом. Он обратился напрямую к сторонникам протекционизма: *«Для тех,*

кто считает важным, чтобы страна вводила больше тарифов, я понимаю, что сегодняшнее решение будет разочарованием... Но продуманный характер законодательного процесса и был смыслом его замысла... Нация может опереться на совокупную мудрость избранных народом представителей». Это прямое указание на то, каким путем следует идти, если тарифы действительно нужны: не через сомнительные манипуляции с разделами 122, 338 или 232, а через законодательный процесс в Конгрессе.

Команда Трампа, однако, выбрала иной путь, пообещав *«использовать другие юридические стратегии для сохранения пошлин в силе»*. Но, как предупреждают юристы, *«если Трамп попытается восстановить свои тарифы с помощью других законных оснований, эти действия снова станут предметом судебных разбирательств»*. Предоставляют ли альтернативные статуты президенту столь же широкие тарифные полномочия — для ответных мер, для защиты национальной безопасности, для решения чрезвычайных ситуаций с платежным балансом? Ответ, как мы увидим, почти наверняка отрицательный.

Тем не менее министр финансов Скотт Бессент, выступая в Экономическом клубе Далласа, ясно дал понять, что тарифы останутся центральным инструментом экономической политики президента. Институт международной экономики Петерсона в своем анализе *Can Trump keep his tariffs if the Supreme Court invalidates them?* от 20 февраля 2026 года подробно **разобрал** пять возможных вариантов действий, и каждый из них имеет фундаментальные ограничения.

- **Первый вариант — применение «раздела 122», самый быстрый, но и самый сомнительный.** 20 февраля, в день решения Верховного суда, Дональд Трамп объявил в своей социальной сети Truth Social о введении 10%-ного тарифа на весь импорт на основании раздела 122 Закона о торговле 1974 года. А уже на следующий день, подумав, повысил ставку до

максимально разрешенных 15%.

Это первый случай в американской истории, когда президент пытается задействовать раздел 122. И с юридической точки зрения эта конструкция еще более сомнительна, чем отмененный судом ИЕЕРА.

Начнем с формальных ограничений. Раздел 122 позволяет президенту вводить временные тарифы или квоты на срок до 150 дней для устранения серьезного дефицита платежного баланса или предотвращения обесценения доллара. Ставка не может превышать 15%, тарифы должны применяться на недискриминационной основе, а после истечения 150 дней требуется одобрение Конгресса. Конгресс, где даже республиканцы трижды голосовали против трамповских пошлин, продлевать их не станет.

Но главная проблема глубже и интереснее. Текст раздела 122 прямо указывает, что пошлины могут вводиться только в случае «фундаментальных проблем международных платежей». Закон перечисляет три основания: решение проблем крупного дефицита платежного баланса; предотвращение значительного обесценивания доллара; исправление международного нарушения равновесия платежного баланса.

По сути, раздел 122 был предусмотрен для ситуации, когда США могут столкнуться с нехваткой резервов, необходимых для выполнения своих международных обязательств. Очевидно, что подобные проблемы перед Америкой сейчас не стоят. Более того, в современной валютной системе они просто невозможны.

Чтобы понять почему, нужно вспомнить историю. Раздел 122 писался в 1974 году, но его логика восходит к эпохе Бреттон-Вудских соглашений — системе фиксированных обменных курсов, в которой другие валюты были привязаны к доллару, а доллар — к золоту. В такой системе страна действительно могла

столкнуться с кризисом платежного баланса: если иностранные центральные банки начинали массово предъявлять доллары к обмену на золото, золотой запас истощался и страна оказывалась не в состоянии выполнять обязательства.

Именно такой кризис пережила администрация Ричарда Никсона в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Попытка спасти систему через Смитсоновское соглашение 1971 года провалилась, и к 1973 году мир перешел к плавающим валютным курсам. При новой системе проблема платежного баланса в старом смысле исчезла: курс доллара теперь определяется рынком, а не фиксирован обязательствами перед иностранными центробанками.

Именно поэтому раздел 122 никогда не применялся за 52 года своего существования. Ситуация, в которой его использование могло бы быть обоснованным, просто невозможна в современной международной валютной системе.

Международный платежный баланс — это не то же самое, что торговый дефицит, и проблема хронического дефицита торговли товарами не решается 150-дневными тарифами. Торговый представитель США Джеймисон Грир, комментируя новую стратегию, назвал меры по разделам 301 и 232 невероятно юридически прочными. О разделе 122 он говорил менее уверенно, ограничившись обещанием «сохранить преемственность». Министр финансов Бессент, в свою очередь, заявил, что использование раздела 122 в сочетании с потенциально расширенными тарифами по разделам 232 и 301 позволит сохранить доходы от тарифов в 2026 году «практически неизменными».

Юристы, однако, настроены скептически. Новая пошлина почти наверняка будет оспорена в суде, и у истцов есть сильные аргументы. Во-первых, отсутствие «фундаментальных проблем международных платежей» делает применение раздела 122 необоснованным. Во-вторых, сама попытка использовать

временный инструмент для создания постоянной тарифной архитектуры выглядит как злоупотребление правом. В-третьих, постоянное продление или повторное использование раздела 122 будет выглядеть как игра в кошки-мышки с судебной системой, и рано или поздно суды это увидят.

Фото: AP / TASS

- **Второй вариант — расследования по разделу 301.** Параллельно Белый дом запускает расследования по разделу 301. Согласно заявлениям торгового представителя США, эти расследования охватят большинство основных торговых партнеров и затронут такие сферы, как избыточные промышленные мощности, принудительный труд, практику ценообразования в фармацевтике, дискриминацию американских технологических компаний, налоги на цифровые услуги.

Расследования могут занять месяцы, но в итоге дадут основания

для введения более долгосрочных тарифов — на четыре года с возможностью продления. USTR обещает проводить их в ускоренном режиме, но с соблюдением всех процедурных требований, включая публичные слушания и консультации с заинтересованными сторонами.

Проблема в том, что раздел 301 требует доказательств недобросовестной или дискриминационной практики. Применить его ко всем странам сразу невозможно — это будет выглядеть как попытка обойти решение суда, и суды следующей инстанции это увидят.

- **Третий вариант — расширение раздела 232.** Раздел 232 — национальная безопасность — уже активно используется для стали, алюминия, меди, автомобилей. 22 февраля администрация объявила о расширении списка товаров, подпадающих под расследования: теперь это уран, редкоземельные металлы, трансформаторы, аккумуляторы.

Преимущество этого инструмента — неограниченные ставки и сроки, а также устойчивость к судебным вызовам: суды традиционно defer к президенту в вопросах национальной безопасности. Недостаток — каждое расследование занимает до 270 дней, и концепция национальной безопасности может быть дискредитирована при слишком широком применении. Если все импортные товары объявить угрозой безопасности, понятие теряет смысл.

- **Четвертый вариант — задействование «раздела 201», классическая защита.** Раздел 201 позволяет Международной торговой комиссии проводить расследования в отношении отраслей, которые серьезно пострадали от наплыва импорта. Если комиссия находит ущерб, президент может ввести тарифы или квоты. Максимальная ставка — 50% сверх базовой пошлины, срок — до 4 лет с возможностью продления до 8 лет при условии поэтапного снижения.

Требуется доказать ущерб для отрасли, что не всегда просто. Этот путь считается наименее вероятным из-за жестких условий применения и длительности процедур.

- **Пятый вариант — пустить в ход раздел 338, «пыльную дубинку» Смута — Хоули.** Раздел 338 Тарифного закона 1930 года — самая экзотическая и потенциально самая опасная опция. Никогда не использовался за без малого 100 лет, но этот раздел закона позволяет президенту вводить 50%-ные пошлины без всяких расследований и на неограниченный срок, если найдена дискриминация американских товаров.

Закон писался под имперские преференции 1930-х годов, когда дискриминация была нормой: Британская империя предоставляла льготные ставки доминионам, Франция — колониям. В современном мире с господством режима наибольшего благоприятствования доказать системную дискриминацию сложно. Юристы предупреждают: попытка использования раздела 338 гарантированно вызовет новые судебные иски. Демократы в Палате представителей уже внесли резолюцию о его отмене.

В настоящий момент администрация фактически анонсировала комбинированную стратегию: раздел 122 как временная мера на 150 дней, затем наращивание расследований по разделам 301 и 232 для создания постоянной тарифной архитектуры. Расчеты Bloomberg Economics показывают, что новый 15%-ный тариф поднимет эффективную ставку до 16,5%, если действующие исключения будут отменены, и до 11,4%, если исключения сохранятся. Среди исключений, которые останутся в силе, — товары, соответствующие правилам USMCA, а также продукция из стран Центральной Америки, подпадающая под DR-CAFTA.

Но главный вопрос не в цифрах, а в праве. Новую 15%-ную пошлину, введенную по разделу 122, с высокой вероятностью постигнет та же участь, что и старые тарифы по IEEPA. Суды

вряд ли признают законным использование инструмента, созданного для совершенно иной валютной реальности, в ситуации, когда никакого кризиса платежного баланса не существует. А без раздела 122 у администрации просто не хватит времени, чтобы развернуть полноценную систему расследований по разделам 301 и 232 до истечения 150-дневного срока.

Кто выигрывает, кто проигрывает

Но, как объясняют экономисты, тарифы создают не просто агрегированный эффект — они перекраивают экономику, создавая новых победителей и проигравших. И эта картина сильно отличается от той, которую рисует президентская риторика.

Победители. Внутренние производители стали и алюминия, безусловно, выигрывают от снижения иностранной конкуренции. Arcelor Mittal публично поддержал тарифы. Производство стали выросло более чем на 300 000 тонн в месяц. Автопроизводители, собирающие машины в США, — Ford и GM — имеют право на налоговый кредит в размере 3,75% от цены автомобиля при финальной сборке в Америке, что помогает компенсировать 25%-ные тарифы на импортные компоненты.

Проигравшие. Список здесь гораздо длиннее. Ритейлеры — Target, Best Buy, Macy's — понизили прогнозы продаж на 2026 год, ссылаясь на двойной удар: рост закупочных цен и снижение покупательной способности потребителей. Abercrombie & Fitch оценивает потери в \$50 миллионов.

Производители сложного оборудования — John Deere и Lockheed Martin — сообщили о совокупных издержках, связанных с тарифами, приближающихся к миллиарду долларов в последние месяцы 2025 года.

Производители потребительских товаров — PepsiCo и Procter & Gamble — предупреждают, что переносить издержки на потребителя становится все труднее без потери доли рынка.

Авиакомпании — American Airlines и JetBlue — отозвали годовые прогнозы из-за ослабления спроса со стороны потребителей, утомленных инфляцией.

Особенно показателен пример Volkswagen. Как отмечает The Wall Street Journal, генеральный директор компании Оливер Блюме заявил, что планы строительства завода Audi в США заморожены до тех пор, пока не будут снижены автомобильные тарифы Трампа. Его цепочка поставок слишком уязвима для произвольных пошлин — компоненты пересекают границы по несколько раз, прежде чем попасть в готовый автомобиль.

Эта отраслевая картина важна не только сама по себе. Она показывает, что тарифы работают не как защита «американской промышленности» в целом, а как механизм перераспределения доходов и активности между секторами. И это перераспределение часто происходит с отрицательным итогом для экономики в целом.

Кому вернут пошлины

Отдельная интрига, которая будет разворачиваться в судах ближайшие годы, — судьба уже собранных денег. По данным Таможенной службы, на середину декабря 2025 года было собрано около \$133,5 миллиардов по неконституционным тарифам ИЕЕРА. Общая сумма, подлежащая возврату, оценивается специалистами в \$170 миллиардов.

Более 1500 компаний, включая Costco, Revlon и Bumble Bee Foods, подали иски в Суд международной торговли еще до решения Верховного суда, стремясь оказаться в начале очереди на возврат денег.

Вопрос о возврате денег осложняется не только техническими, но и концептуальными трудностями. Как заметил судья Кавано, «часть издержек, возможно, уже была переложена на потребителей». Если это так, то возникает этическая и юридическая дилемма: возвращать ли миллиарды импортерам, которые фактически выступали лишь транзитными сборщиками налогов, в то время как реальные потери понесли американские семьи? Министр финансов Бессент уже выразил скептицизм. «Costco, который судится с правительством США, вернет ли эти деньги своим клиентам?» — вопрошал он, намекая, что возврат может стать корпоративной кормушкой для компаний, которые уже переложили издержки на потребителей.

Вопрос остается открытым, и судам предстоит на него ответить.

Фото: IMAGO / Wolfgang Maria Weber

Процесс возврата будет сложным. Существует прецедент: в 1990-

х годах Верховный суд признал неконституционным сбор за обслуживание гаваней и создал механизм возврата для экспортеров. Тогда речь шла о 4000 случаях и \$750 миллионах. Сейчас масштаб на порядки больше — более 300 тысяч импортеров заплатили оспариваемые пошлины.

Торговые юристы советуют клиентам готовиться к длительной борьбе. «Правительство в хорошей позиции, чтобы сделать этот процесс максимально сложным для импортеров», — предупреждает Джойс Адетуту, партнер юридической фирмы Vinson & Elkins.

Экономический эффект возврата будет зависеть от того, как компании распорядятся деньгами. Если они вернут их потребителям через снижение цен, инфляционный эффект оставшихся тарифов будет частично скомпенсирован. Если направят на выкуп акций или дивиденды, это будет просто трансфер от государства акционерам. Реальность, скорее всего, будет где-то посередине.

Особого внимания заслуживает положение Федеральной резервной системы. Инфляция товаров, подстегнутая тарифами, стала «липкой» — она не снижается, даже когда общая экономическая активность замедляется. Индекс потребительских цен упорно держится на отметке 2,7%, выше целевого уровня ФРС в 2%.

Это ставит центробанк в ловушку. С одной стороны, экономика замедляется, и хотелось бы снижать ставки. С другой — тарифы толкают цены вверх, и любое смягчение политики рискует раскрутить инфляционную спираль.

Ситуация осложняется кадровыми изменениями. Срок полномочий Джерома Пауэлла истекает в мае 2026 года, и Трамп уже номинировал Кевина Уорша на пост председателя. Уорш выдвинул спорную теорию о том, что бум

производительности благодаря ИИ позволит снизить ставки даже при инфляционном давлении тарифов. Многие экономисты опасаются, что если этого не произойдет, Уорш может оказаться перед необходимостью еще большего ужесточения политики, чем его предшественник.

Более того, администрация оказывает беспрецедентное давление на ФРС. Бессент недавно не исключил возможности судебных исков против чиновников Федрезерва, которые не поддерживают линию Белого дома на снижение ставок. Это создает риск премии за политизацию в доходностях облигаций.

Цена вопроса

Пока Америка разбирается со своими тарифами, торговые партнеры США уже адаптируются к новой реальности. Компании и страны ищут альтернативы, чтобы не зависеть от рынка, доступ к которому может быть закрыт или изменен одним росчерком пера, пусть даже временно оспоренным в суде.

Европейский союз ускорил переговоры с МЕРКОСУР и Индией, заключая соглашения, которые исключают США. Канада и Великобритания ведут переговоры с Китаем. Япония и Южная Корея углубляют сотрудничество в рамках СРТРР, куда США не входят.

Институт Петерсона в своем анализе предупреждает: даже если тарифный барьер не удастся восстановить, последствия для международных отношений будут долгоиграющими. Страны, которые чувствовали себя униженными и принужденными к уступкам, будут менее склонны помогать Америке в момент реального геополитического кризиса.

Решение Верховного суда не отменило тарифную войну. Оно лишь сменило ее форму. Вместо всеобъемлющего и

одномоментного удара мы увидим серию точечных, но постоянных атак на мировую торговлю. Экономика получила передышку, но не мир.

Что мы знаем точно из истории и современных исследований?

- **Тариф Мак-Кинли 1890 года** показал, что протекционизм может создать узкие выгоды для избранных отраслей, но ценой роста цен для потребителей и политического поражения для партии, которая его проводила.
- **Закон Смута — Хоули 1930 года** показал, что лоббистский торг превращает тарифы в хищника, уничтожающего международную торговлю и усугубляющего кризис. Он также показал, что мнение экономистов не может остановить политиков, одержимых своими идеями.

Исследование ден Бестен и Канцига дает нам количественную оценку: тарифы сокращают экономику, убивают экспорт и не защищают промышленность в целом. В современном мире с плавающими курсами они работают прежде всего через сжатие спроса, ведя к спаду и дефляции, а не к росту и инфляции.

Теперь мы знаем точные цифры февраля 2026-го: \$133,5 миллиарда собрано по неконституционным тарифам, \$170 миллиардов подлежат возврату, 1500 исков уже подано, 150 дней дано на новые тарифы по разделу 122, а 13% — средняя ставка оставшихся пошлин.

В своей колонке в *The Wall Street Journal* Трамп написал: *«Я искренне надеюсь, что Верховный суд наблюдает за этими цифрами, потому что наша страна никогда не видела ничего подобного»*. Суд наблюдал. И 20 февраля вынес вердикт, который учитывает не политические нарративы, а только букву закона.

Судья Горсач напомнил сторонникам протекционизма: *«Нация может опереться на совокупную мудрость избранных народом*

представителей». История учит тому же. Тариф Мак-Кинли привел к политическому поражению его авторов. Закон Смута — Хоули обернулся катастрофой. Теперь слово за Конгрессом и за избирателями, которым предстоит оценить результаты тарифного эксперимента 2025–2026 годов.

Трампа обещал американское экономическое чудо. Пока что мы видим лишь затянувшийся судебный процесс над идеей, которая, как показала история и подтверждает строгий эконометрический анализ, не работает так, как обещают политики.

Тарифы — это бумеранг. И даже Верховный суд не может изменить траекторию его полета — он может только попытаться смягчить удар при возвращении. Битва за \$170 миллиардов только начинается, и следующие годы Америка будет наблюдать за тем, как суды, таможня и импортеры делят деньги, которые никогда не должны были быть собраны.

Экономическая наука здесь бессильна — она может только описывать последствия. Политическая воля продолжает эксперимент, результаты которого известны заранее. И в этом, пожалуй, главный урок всей истории.

Справочник терминов и аббревиатур

1. Судебная власть

SCOTUS (Supreme Court of the United States) — Верховный суд США. Высшая судебная инстанция, состоящая из девяти судей, назначаемых пожизненно. Именно SCOTUS 20 февраля 2026 года признал тарифы Трампа по ИЕЕРА неконституционными.

Решения Верховного суда окончательны и обжалованию не подлежат.

CIT (Court of International Trade) — Суд международной торговли США. Специализированный федеральный суд, рассматривающий споры, связанные с таможенными пошлинами и торговым законодательством. Сюда уже подано более 1500 исков от компаний, требующих вернуть \$133,5 миллиарда, собранных по неконституционным тарифам.

2. Законы, дающие президенту чрезвычайные полномочия

IEEPA (International Emergency Economic Powers Act) — Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях 1977 года. Позволяет президенту блокировать сделки и замораживать активы в ответ на «необычную и чрезвычайную» угрозу из-за рубежа. До Трампа использовался исключительно для санкций (против Ирана, России, Северной Кореи). Никогда не применялся для введения всеобъемлющих тарифов. Признан Верховным судом неприменимым для введения тарифов. Тарифы, введенные на его основании, отменены.

NEA (National Emergencies Act) — Закон о национальных чрезвычайных положениях 1976 года. Регулирует порядок объявления и продления режима чрезвычайного положения. Использовался в паре с IEEPA для обоснования тарифной политики, разделил судьбу IEEPA.

3. Торговые инструменты (разделы законов)

Инструменты для точечных мер

Раздел 232 Закона о расширении торговли 1962 года (Trade Expansion Act of 1962) позволяет президенту ограничивать импорт, если Министерство торговли найдет, что он угрожает национальной безопасности. Ставка и срок не ограничены, но требуется расследование (до 270 дней) и привязка к

конкретному товару. Трамп использовал для стали, алюминия, автомобилей; Байден сохранил. В феврале 2026 года администрация объявила о расширении списка товаров, подпадающих под расследования: уран, редкоземельные металлы, трансформаторы, аккумуляторы.

Раздел 301 Закона о торговле 1974 года (Trade Act of 1974) — инструмент для борьбы с недобросовестными, по мнению США, торговыми практиками других стран. Требует расследования торгового представителя (USTR) с публичными слушаниями и консультациями. Тарифы могут вводиться на четыре года с возможностью продления. Основной инструмент торговой войны с Китаем с 2018 года.

Раздел 201 Закона о торговле 1974 года (Trade Act of 1974) — защита от внезапного наплыва импорта («глобальная защита»). Требует расследования Международной торговой комиссии (ИТС) и доказательств ущерба для отрасли. Максимальная ставка — 50% сверх базовой пошлины, срок — до 4 лет с возможностью продления до 8 лет при условии поэтапного снижения. Использовался редко (например, при Картере для стали, при Буше для некоторых товаров).

Инструменты для широких мер

Раздел 122 Закона о торговле 1974 года (Trade Act of 1974) позволяет президенту вводить временные тарифы для борьбы с дефицитом платежного баланса. Не требует расследования, но ставка не может превышать 15%, срок действия — не более 150 дней. Тарифы должны применяться на недискриминационной основе (режим наибольшего благоприятствования). Никогда не использовался за 52 года. Писался под эпоху фиксированных валютных курсов Бреттон-Вудса. Использован Трампом 20 февраля 2026 года для введения 15%-ного тарифа. С высокой вероятностью будет оспорен и отменен, поскольку условия его применения (фундаментальные проблемы международных

платежей) в современной системе плавающих курсов отсутствуют.

Раздел 338 Тарифного закона 1930 года (Tariff Act of 1930, он же Закон Смута — Хоули) позволяет президенту вводить 50%-ные пошлины против стран, которые дискриминируют американские товары, без всяких расследований и на неограниченный срок. Никогда не использовался за почти 100 лет. Закон писался под имперские преференции 1930-х годов, когда дискриминация была нормой (Британская империя, французские колонии). Любая попытка использования вызовет немедленные судебные иски.

4. Ключевые понятия для понимания спора о разделе 122

Платежный баланс (Balance of Payments) — запись всех экономических операций между резидентами страны и остальным миром за определенный период. Включает торговый баланс (экспорт-импорт товаров), баланс услуг, доходов и трансфертов. Раздел 122 разрешает тарифы только при «фундаментальных проблемах международных платежей». Торговый дефицит — это не то же самое, что кризис платежного баланса.

Кризис платежного баланса — ситуация, когда у страны заканчиваются международные резервы (золото, иностранная валюта) для оплаты импорта или обслуживания внешнего долга. В эпоху фиксированных курсов (Бреттон-Вудс) такие кризисы были реальностью. США столкнулись с ним в конце 1960-х, когда иностранные центробанки массово обменивали доллары на золото.

Бреттон-Вудская система — международная валютная система, действовавшая с 1944 по 1971 год. Доллар был привязан к золоту (35 долларов за унцию), а остальные валюты — к доллару с возможностью узких колебаний. Раздел 122 писался под эту

логику. Закон предполагал, что США могут столкнуться с нехваткой резервов для поддержания фиксированного курса.

Плавающий валютный курс — система, при которой курс национальной валюты определяется спросом и предложением на рынке, а не фиксируется государством. После краха Бреттон-Вудса в 1971–1973 годах мир перешел к плавающим курсам. В этой системе кризис платежного баланса в классическом смысле невозможен — курс корректируется автоматически.

Дефицит торгового баланса — ситуация, когда импорт товаров превышает экспорт. То, что Трамп называет торговым дефицитом и пытается исправить тарифами. Торговый дефицит — это не кризис платежного баланса. Он может существовать десятилетиями (как в США) без угрозы истощения резервов, потому что финансируется притоком капитала.

Смитсоновское соглашение 1971 года — временная договоренность после краха Бреттон-Вудса, когда США попытались сохранить фиксированные курсы, девальвировав доллар и отвязав его от золота. Соглашение провалилось к 1973 году, окончательно похоронив эпоху фиксированных курсов и сделав раздел 122 анахронизмом.

5. Смежные понятия

GSP (Generalized System of Preferences) — Всеобщая система преференций. Программа, позволяющая развивающимся странам ввозить определенные товары в США беспошлинно. Трамп неоднократно пытался ограничить или отменить GSP, чтобы усилить давление на страны-бенефициары.

MFN (Most Favored Nation, режим наибольшего благоприятствования) — принцип недискриминации в международной торговле: страна предоставляет всем торговым партнерам условия не хуже, чем любому другому. Основа ГАТТ и ВТО. Трамп считает MFN устаревшим и в декабре 2025 года

подал заявление в ВТО о его неприменимости в современную эпоху.

USMCA (United States-Mexico-Canada Agreement) — Соглашение США — Мексика — Канада, заменившее NAFTA. Перезаключено при Трампе в первый срок его президентства. Товары, соответствующие правилам USMCA, освобождаются от большинства новых тарифов.

DR-CAFTA (Dominican Republic-Central America Free Trade Agreement) — Соглашение о свободной торговле между США, Доминиканской Республикой и странами Центральной Америки. Также дает право на исключения из новых тарифов.

USTR (United States Trade Representative) — Торговый представитель США. Ведомство в структуре исполнительной власти, отвечающее за разработку и координацию торговой политики. Возглавляется Джеймисоном Гриром. Именно USTR проводит расследования по разделу 301.

ITC (International Trade Commission) — Международная торговая комиссия. Независимое федеральное агентство, проводящее расследования по торговым спорам (включая раздел 201). Не путать с USTR: ITC — квазисудебный орган, USTR — политический.

CBP (Customs and Border Protection) — Таможенная и пограничная служба США. Собирает пошлины и будет заниматься возвратом \$133,5 миллиарда. Именно в CBP импортерам предстоит подавать заявления на возврат денег.

6. Международные соглашения

МЕРКОСУР — субрегиональный торгово-экономический союз стран Южной Америки. Объединяет пять полноправных участников: Аргентина, Боливия, Бразилия, Парагвай, Уругвай.

Также на правах ассоциированных членов в него входят Чили, Колумбия, Эквадор, Перу, Гайана, Панама и Суринам.

СРТРР — Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве между 12 государствами Азиатско-Тихоокеанского региона: Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Вьетнам, Мексика, Перу, Малайзия, Чили, Бруней, Великобритания. Считается одним из самых современных и всеобъемлющих торговых соглашений в мире, охватывающим около 5,93 млрд населения и примерно 14,4% мирового ВВП.

7. Неформальные термины

Liberation Day (День освобождения) — так Трамп называет апрель 2025 года, когда ввел первые масштабные тарифы. Используется в официальной риторике Белого дома для обозначения начала «освобождения Америки от несправедливой торговли».

«**Пыльная дубина Смута — Хоули**» — неформальное название раздела 338 Закона Смута — Хоули 1930 года. Ни разу не использовался за 100 лет, но формально дает президенту огромные полномочия по введению тарифов.

Битва за \$170 миллиардов — процесс возврата денег, собранных по неконституционным тарифам. \$170 миллиардов — оценка общей суммы, подлежащей возврату (с учетом процентов и издержек).

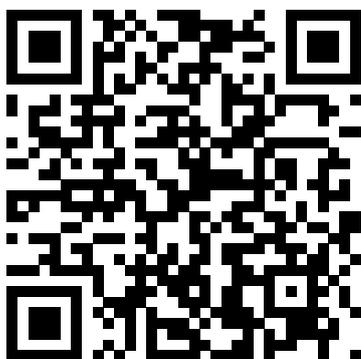
ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Великий недодиктатор](#)

Можно ли считать фашистом президента Трампа?

14:02, 4 февраля 2026, Владимир Козловский

[Трамп в законе](#)

Взаимоотношения президента США с правом во внутренних и внешних делах его страны не симметричны

14:25, 28 января 2026, Леонид Никитинский